

Писатели XIX в. о Святых Горах

Е. Л. Марков
Святые
Горы

IV

Edward Reynolds

*Писатели XIX в.
о Святых Горах*

Е. Л. Марков

«Святые Горы»

(Поездка по Донцу)

Донецк
«Донбасс»
2010

ББК 84(4РОС)5
М56

Е.Л. Марков «Святі Гори. Поїздка по Дінцю». (коментарі,
вступ. слово В. М. Дєдова)
– Донецьк: «Донбас» 2010. – 124 с.

ISBN 978-966-1615-26-6

Нарис «Святі Гори» російського письменника Є.Л. Маркова продовжує серію видань «Письменники XIX ст. про Святі Гори», присвячену відомій історичній пам'ятці – Святогірському Успенському монастирю на Сіверському Дінці. Поряд з творами А.П. Чехова, В.І. Немировича-Данченко, А.М. Мурав'йова, які вже видані в зазначеній серії, нотатки Євгена Маркова «Святі Гори» розширюють уявлення читача про історичне минуле Святогірської Лаври, картини життя обителі напередодні бурхливих подій початку XX ст.

ISBN 978-966-1615-26-6

© Дєдов В.М. Вступ. Коментарі. 2010
© Державний історико-архітектурний
заповідник у м. Святогірську – упорядкування 2010

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Путевые заметки под названием «Святые Горы» (Поездка по Донцу) были опубликованы в I томе сборника Живописная Россия (№№ 49,50,51,52) в 1901 году с указанием авторства – Евгений Марков. Это произведение написано в последний творческий период русского писателя, путешественника, этнографа Евгения Львовича Маркова, скончавшегося в 1903 году в Воронеже и погребённого в родовом имении Потебник Щигровского уезда Курской губернии.

Исследователи творческого наследия Е.Л. Маркова, отмечают, что писатель не входил в число классиков русской литературы XIX века, его имя не стояло в одном ряду с Пушкиным, Лермонтовым, Гого-

лем, Чеховым, Тургеневым, Некрасовым, Тютчевым. Вместе с тем, литературный талант Е. Маркова был замечен не только среди читающей публики, но и в среде известных писателей и литературных критиков. Так, И.С. Тургенев отмечал, что с «великим удовольствием» прочитал книгу Е. Маркова «Очерки Крыма». В.В. Розанов оценивал Е. Маркова как «видного писателя, голос которого выслушивался с уважением, а иногда долго помнился». Как «явление довольно заметное в литературе» охарактеризовал творчество писателя В.Г. Короленко. Энциклопедический словарь Эфрона и Брокгауза подчёркивал факт широкой известности Е.Л. Маркова, книги которого неоднократно переиздавались и были востребованы вплоть до революции 1917 года. М. Горький был последним писателем довоенной эпохи, который положительно оценил литературу-

ный талант Е. Маркова.

В советский период писатель был забыт, а его произведения не переиздавались. Лишь в перестроечное время, с нач. 90-х гг. XX века, интерес к творчеству Е.Л. Маркова возобновляется. В первую очередь к литературному наследию Маркова обращаются историки, краеведы, этнографы. В 1995 г. в Симферополе переиздается его наиболее известная книга «Очерки Крыма». Философские воззрения Е. Маркова привлекают культурологов дальнего зарубежья. В 2001 г. выходит книга американского исследователя Джеймса Х. Биллингтона «Икона и топор», в которой автор уделяет внимание «позитивистской» идеологии Маркова в среде либеральных критиков русской интеллигенции.

Несколько исследований последнего времени, в т.ч. диссертационного харак-

тера, посвящены литературно – критическому наследию писателя и его очерковой прозе (Аминева В.Р. Проблема художественного метода в эстетике Е.Л. Маркова // Литература и язык в контексте культуры и общественной жизни. Тезисы межгосударственной научной конференции. ч. 1. – Казань, 1992, с. 9-10; Повесть Л.Н. Толстого «Казачья» в оценке Е.Л. Маркова // Слово и мысль Льва Толстого (филологические разыскания). – Казань, 1993, с. 71-80; Поэзия Н.А. Некрасова в оценке Е.Л. Маркова // Деп. 48908 от 8.02.1994 -15 с.; Е.Л. Марков как литературный критик // Филологические записки – Воронеж, 1994, вып.3, с.35-42; Коростина Г.Г. Очерковая проза Е.Л. Маркова: идеология, проблематика, стиль: дис. канд. фил. наук: 10.01.01. – Орёл, 2005 – 207с.).

В целом, по оценкам современных литературоведов, как впрочем и критиков XIX

века, Е.Л. Марков прочно занимает место во «втором ряду» писателей XIX века, наряду с В.И. Немировичем-Данченко и А.Н. Муравьевым, произведения которых о Святых Горах уже переизданы в серии «Писатели XIX века о Святых Горах» (т. I; III, 2010). Небезынтересны и факты биографии писателя.

Евгений Львович Марков (1835-1903) принадлежал к старинному дворянскому роду Марковых. Его отец, Л.А. Марков владел небольшим наследственным имением в Щигревском уезде Курской губернии (с. Крутое), имел хороший послужной список, включающий службу в свите императора Александра I. Мать Евгения была дочерью суворовского генерала А.А. Гана. По материнской линии Е. Марков приходился близким родственником писательницам Е.А. Ган, Е.П. Блавадской, В.П. Желиховской, публицисту Р.А. Феде-

еву. Значительная часть жизненного пути писателя была связана с Украиной.

С ранних лет Е. Марков проявляет интерес к знаниям. Получает образование в Харьковской и Курской гимназиях, после чего обучается в Харьковском университете. В 1857 г. успешно завершил учебу в университете с ученой степенью кандидата естественных наук. Путешествуя по Европе, Е. Марков продолжает обучение, слушая лекции в университетах Германии. По возвращении в Россию, молодой литератор Евгений Марков начинает карьеру на ниве образования. Вначале учительствует в Тульской гимназии, входит в состав ученого комитета Министерства народного просвещения. После «тульского» периода деятельности, Е. Марков переезжает в Симферополь, где получает место директора Симферопольской гимназии и одновременно является инспектором на-

родных училищ Крыма.

В 1870 году Е. Марков по состоянию здоровья выходит в отставку и возвращается в родовое имение, где занимается хозяйством и принимает активное участие в земской жизни. Избирается председателем Щигровской земской управы.

Оценивая мировоззренческие взгляды Е.Л. Маркова, исследователи усматривают близость писателя к демократическим слоям российского общества, сочувствие славянофильству. В круг общения Е.Л. Маркова по литературным и общественно-политическим вопросам входят такие представители творческой интеллигенции как Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, Н.К. Михайловский, Т.Н. Ткачёв, С.А. Венгеров.

В 1887 году Е. Марков получает должность управляющего губернским отделением Дворянского земельного банка и

председателя Крестьянского поземельного банка, вследствие чего переезжает на постоянное место жительства в Воронеж. В чине статского советника Е. Марков входит в состав Воронежской губернской учетной архивной комиссии и избирается ее председателем.

В 90-х гг. XIX в. Е. Марков много путешествует по странам Европы, с интересом изучает исторические места и памятники. В этот период он активно печатается в журналах «Русский вестник», «Русское обозрение», «Живописная Россия», будучи уже известным в литературных кругах критиком, автором многих рассказов, повестей, романов.

Свою литературную деятельность Е. Марков начал в 1858 г. публикацией рассказа «Ушан» в «Русском вестнике». В 60-х годах XIX в. Е. Марков много пишет и печатается на педагогическую тематику.

ку, занимается литературной критикой, публикует свои путевые заметки в «Отечественных записках», «Журнале Министерства народного просвещения». Расцвет литературной деятельности писателя приходится на 70-е гг. XIX в. Он становится одним из самых плодовитых публицистов и критиков, пишет романы и повести. В 1877 году выходит из печати 2-х томник «Собрание сочинений» Е.Л. Маркова (т. I. Публицистика и критика, том II. Путешествия и педагогика). Неоднозначную реакцию в литературном мире вызвали критические статьи Е. Маркова о произведении «Казачи» Л.Н. Толстого («Народные типы в нашей литературе», 1865), поэзии Н.А. Некрасова (1878). Свои заметки о творчестве Н.А. Добролюбова («Критические беседы») Е. Марков публикует в газете «Русская речь», 1880, № 6, 7.

В отдельном издании появляется самое

популярное произведение Е.Л. Маркова «Очерки Крыма» (1872 г.). На автобиографическом материале курского детства и юности построены его романы «Баргуни. Картины прошлого» (1875 г.), «Черноземные поля» (1877 г.). В последнем произведении Е.Л. Марков касается проблем нравственного распада в среде дворян-землевладельцев.

Художественное осмысление пугачевского восстания дано им в историческом романе «Разбойница Орлиха» (1895).

Отдельными книгами печатаются роман «Берег моря» (1880 г.), «Очерки Кавказа» (1887 г.), «Путешествие на Восток, Царь-град и Архипелаг. В стране фараонов» (1890 г.), «Путешествие по Святой Земле» (1891 г.). Последнее произведение не потеряло актуальности и сейчас. Сайты православной церкви, предлагая совершить паломничество по святым местам

Иерусалима и Палестины, обращаются зачастую к описаниям этих мест, составленным Е. Марковым в период своего путешествия.

В его публицистике и путевых заметках отдельным блоком выделяется воронежско-донская тематика, где описаны исторические достопримечательности, памятники древности и памятные места: «Поездки в Дивногорье» // Русский вестник – 1891, № 5, 6. с. 128-182; Червлёный Яр // Рус. Вес., 1891, № 8; Хазарские городища на реке Воронеж / Р.В., 1891, № 11; Белогорские пещеры // Р.В., 1892, № 1; Старая Донская пустынь и Донецкий казачий городок (Из путевых очерков Воронежской губернии) // Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 год. – Воронеж: 1893; Клады Старой Северщины // Памятная книжка Воронежской губернии на 1902 год. – Воронеж: 1902, с. 1-18.

В «Трудах Воронежской ГУАК» Е.Л. Марков опубликовал свои воспоминания о кладоискателях Щигровского уезда, об археологических находках на Ратском («Святом») городище. Эти сведения важны для полной историографии курской археологии. Исследователи творчества Е.Маркова отмечают тот факт, что его путевые очерки по святой земле, странам Востока, Таврии, воронежский цикл экскурсионных заметок содержат помимо колоритных картин природы, описание историко-археологических памятников, многие из которых с тех пор оказались повреждены или вовсе утрачены; зафиксированы топонимы, к настоящему времени уже отсутствующие на картах юга России. Согласно оценкам современного архитектора (А.Д. Пряхина), внимательное ознакомление с мыслями и наблюдениями этого автора “помогает ощутить колорит

восприятия данного микрорегиона в те годы, когда последствия массивированного антропологического прессинга на природную среду здесь были куда менее масштабные, чем сейчас”.¹

Эту отличительную особенность творчества Е.Маркова в полной мере можно отнести к его очерку «Святые горы» (Поездка по Донцу). Писатель не указывает конкретно год своего посещения Святогорского монастыря, но судя по содержанию рассказа и отдельным приведенным фактам, Е.Марков посетил Святые Горы осенью 1897 года. Писателю удалось не только запечатлеть чарующую красоту Святогорья в момент завершающего этапа формирования архитектурного ансамбля Успенского монастыря, но и увидеть в его почитании и величии будущий титул Лавры: «Хотя главный приток богомольцев бывает ко дню Успения да к Николину

дню, – главным престольным праздникам монастыря, но послезавтра Покров, – тоже один из многочисленных храмовых дней этой богатой храмами лавры...»

Неугасающий интерес народа к святогорским пещерам и их истории находит свое подтверждение в описании этого наиболее древнего сооружения Святогорской пустыни Е. Марковым. Утраченный в советское время интерьер пещерного памятника, вновь воссоздается при чтении путевых заметок писателя. Пещерные храмы, их убранство, кельи пещерных иноков Святогорья, в том числе Иоанна Затворника, стали предметом особого интереса писателя. Вообще, личности Иоанна Затворника отведено в очерках Е. Маркова значительное место, как в описании фактов его биографии, так и оценке его духовного подвига – семнадцатилетнего затвора в пещерах меловой скалы.

Отдельные разделы очерков посвящены страницам истории обители, которые писатель почерпнул частью из публикаций того времени, частью из рассказов монашествующих. Современный читатель знаком с историческим описанием монастыря по историческим трудам, изданным в последние десятилетия, поэтому факты, поданные Е. Марковым не являются чем-то неизвестным в этом плане. Вместе с тем, некоторые сведения, приведенные писателем представляют несомненный интерес для историков, краеведов, архитекторов. Так, Е. Марков впервые описывает парк графа Рибопьера с находящимися там захоронениями черкесов – охраны графской усадьбы, погибших в столкновениях с местным населением на Успенской ярмарке в 1894 году.

Интересные детали сопровождают описание памятников кладбища при церкви

преп. Антония и Феодосия Святогорского монастыря. Так, благодаря близкому знакомству Е. Маркова с семейством атамана Войска Донского, графа М.И. Платова, читатель может представить как выглядел памятник графу, в настоящее время полностью утраченный: «...на мраморной пирамиде графа Матвея Ивановича Платова, командира атаманского полка, сын которого был в университете моим товарищем по курсу и факультету, – очень выразительные эмблемы его боевого звания – казачья шапка, сабля и пистолеты...».

И еще один момент в записках писателя обращает на себя внимание. Е. Марков скрупулезно выписывает все доступные ему тексты документов по истории Святогорского монастыря, особенно первоначального периода, включая летописи. Заключительная часть его очерков практически полностью посвящена определе-

нию исторического значения Святогорского монастыря в судьбах края. В конечном итоге работа с историческими документами и осмысление места обители в духовной и общественно-политической жизни формирующейся Слободской Украины позволили писателю сделать следующее заключение: «Обитель эта играла в истории степной Руси почти ту же роль, какую Сергиево-Троицкая Лавра или Соловецкий монастырь играли в истории Северной Руси».

В целом, повествование Е. Маркова о Святых Горах читается легко и с интересом. Автор располагает к себе искренностью и непредвзятостью. Он не навязывает свою точку зрения другим и не находится в плену точек зрения других. Как заметил один из исследователей творчества Е. Маркова: «...во всем его творчестве, больше всего привлекают естественность и ис-

кренность. Он сам о себе говорит: «Никто, я уверен, не обвинит мою 40-летнюю литературную деятельность в одном грехе – в неискренности, в нечестности моих мыслей. Я с полным правом могу применить к себе слова лорда Байрона, что «никогда не льстил ни Юпитеру за могущество его громов, ни Нептуну ради его трезубца», точно также как никогда не льстил толпе и не подделывался ни под какие господствующие течения...».²

Настоящее издание путевых заметок Евгения Маркова «Святые Горы» (Поездка по Донцу) подготовлено Святогорским историко-архитектурным заповедником в серии книг «Писатели XIX века о Святых Горах». Первые три выпуска содержат произведения о Святых Горах, принадлежащие перу А.П.Чехова, Вас. И. Немировича-Данченко, А.Н. Муравьёва.

Издание включает иллюстрации XIX в,

которые сопровождают первое издание путевых заметок «Святые Горы» в журнале «Живописная Россия». В конце текста поданы комментарии историка к тексту произведения.

В.Н.Дедов

Заслуженный работник
культуры Украины

¹ С.П. Щавелёв: *Историки Курского края.*
Марков Е.И.//

[http://www.old.kursk.city.Ru/book/historian/
markov-e.html](http://www.old.kursk.city.Ru/book/historian/markov-e.html)

² Р. Анпазов. *Крым глазами Евгения Маркова*

[http://www.kirimtatar.com/Researches/
rappazov.html](http://www.kirimtatar.com/Researches/rappazov.html)

Е. Л. Марков

«Святые Горы»

(Поездка по Донцу)

*Впервые опубликовано:
«Живописная Россия»,
т. 1, 1901, (№№ 49, 50, 51, 52)*

Слишком захваленные места редко производят то впечатление, которых от них ждешь. Воображение почти всегда обгоняет действительность, и когда эта действительность открывается перед глазами человека – она почти всегда невольно разочаровывает его. Красоту Святых Гор мне хвалили и расписывали очень многие, я не раз рассматривал картины и фотографии их, и был уверен, что после всего, виденного мною в разных странах мира, – особенно после свежих еще впечатлений Нового Афона, только что посещенного мною, – вид Святых Гор покажется мне довольно обыкновенным.

Но я был совершенно неожиданно поражен этим видом. Он изумительно свеж, широк и могуч и дышит чем-то таким характерно-русским, родным, православным, – что переполняет русское сердце необыкновенно радостным чувством.

Широкая, прямая и глубокая как пролив моря многоводная река, без мелей и тростников, гонит перед нами свои веселые волны, а из ее синих пучин от края и до края, во всю ширину кругозора встают за нею прямо как стены белые пирамиды гор, снизу доверху обросшие темными полчищами сосен, словно неприступная крепостная твердыня, защищаемая ратью исполинов; и на этом суровом черно-зеленом фоне, тоже во весь обхват картины, вырезаются каким то ликующим и сверкающим Иерусалимом небесным белокаменные башни многочисленных храмов, белокаменные корпуса и ограды обширного монастыря, чудно отражаясь, опрокинутые целиком вниз головою, в синих омутах реки. Эти белые церкви, эти золотые кресты и маковки, не только на берегу, у подножья каменных громад; они прорываются сквозь чащи бора на всех

высотах, они венчают самые верхушки горных пирамид, приподнятые к облакам.

Вон белая меловая скала, выпячиваясь, словно башнями своими пятью круглыми выступами, и заострив, словно конические крыши свои меловые верхушки – подня-

*Общий вид Святых Гор от церкви св. Николая,
с западной стороны.*

лась из темноты и тесноты окружающего ее бора высоко над соборами монастыря, и кажется, повисла там, в воздухе громадным отвесным утесом, прорезанная в

разных местах черными дырами окошек, сквозь которые хмурятся спрятанные в ее сырых недрах пещеры древних отшельников. Она смотрит, эта висячая скала, колоссальной нерукотворною церковью, заканчиваясь вверху таким же, как она сама, белым трехглавым храмом, построенным на ее темени; и ваш глаз, ваше сердце сразу чувствуют, что этот характерный, ни на что другое не похожий, меловой утес, изрытый пещерами и обращенный в Божий храм, – есть главный центр не только чудного пейзажа, но и всей многовековой истории этого святого места. Но и выше этой, поднятой в воздух, церкви-скалы, выше всех утесов этих белых гор, выше всех сосен этого темного бора, высится наверху самой высокой пирамиды, купая свои золотые кресты и главы в синих безднах неба, – еще один белый храм.¹

И когда смотришь, изумленный, снизу

на всю эту теснящуюся у подножия гор многолюдную семью соборов, на эту пещерную храм-скалу, чудесно висящую над ними, на статную башню церкви Преображения, забравшуюся еще выше ее, которую, словно сверкающим шпилем, завершается вся эта масса левых пирамид, – представляется, будто все эти золотые кресты и белые башни, ярко светящиеся на фоне лесов, догоняют друг друга, стремясь уйти все выше, все дальше от низменной земли к высям небесным, и будто вся эта священная гора, обросшая храмами словно деревьями, – не что иное, как один исполинский Богоданный храм Творцу, а сияющая там под облаками, на ее макушке, златоглавая церковь – только венчающий его громадный крест.

В некотором отдалении от монастыря, слева, на таких же пирамидальных кручах лесного берега и тоже над пучиною вод

стоит, обращенный лицом к монастырю и на всю чудную перспективу красавца Донца, – дворец Потемкиных, перешедший теперь во владение графа Рибопьера.

*Вид Святогорской скалы и
церквей – св. Николая и Преображенской.*

Мы переехали через длинный деревянный мост к громадному четырехъярусному зданию монастырской гостиницы, которое своим каменным квадратом со всех четырех сторон охватывает обширный мощеный двор, полный повозок, лошадей и народу. В гостинице этой 200 номеров для приезжающих, кроме зала для общей трапезы и других помещений.² Простой народ помещается в нижнем полуподвальном этаже. Нам отвели просторный и чистый номер с двумя диванами вместо кроватей, но на счет еды оказалось плохо. Был к тому же постный день, так что пришлось довольствоваться только привезенною с собой холодной провизией, да спасательным во всех случаях чаем. Впрочем, монах-коридорный объяснил нам, что господа заказывают скромный обед одной женщине из Банной слободы, которая является для этого в монастырь на-

кануне и получает заказ.³ Действительно предприимчивая баба объявилась вечером и к нам, но взялась сготовить только обед на завтра, а от приготовления нам ужина отказалась.

Народу в монастырь набралось очень много. Хотя главный приток богомольцев бывает ко дню Успения да к Николину дню, – главным престольным праздникам монастыря, но послезавтра Покров, – тоже один из многочисленных храмовых дней этой богатой храмами лавры, – по этому

*Вид на гостиницу Святогорского монастыря
с северной стороны.*

из соседних деревень стали собираться уже старики и бабы.

Баб тут особенно много, и они шатаются здесь решительно везде; на всякой лесной тропе, в каждом дворе монастыря, на паперти каждой церкви – вы встретите кучки баб. Берег Донца особенно оживлен и кишит всяким людом; это своего рода Невский проспект Святых Гор; тут кстати и тротуары, и даже фонари. Но толпящийся здесь народ далеко не одни богомольцы; тут рассиживаются и бродят зареченские соседи монастыря, мужички из Банного, кто в надежде промыслить что-нибудь, кто просто поболтаться на народе. Тут лодочники, поджидающие охотников прокатиться по Донцу до «Святого места» к скиту или в Богородичное; тут извозчики с фаэтонами, тележками и кибитками, предлагающие свезти вас в Изюм или в Славянск; тут торговки и торговцы разны-

ми бесхитростными деревенскими продуктами...

Но гораздо деятельнее и выгоднее, чем торговля на этом грошовом мужицком базаре, идет коммерция в монастырской

Вид набережной перед гостиницей монастыря.

лавке, куда мы зашли купить описаний и фотографий Св. Гор, образков и разных деревянных и роговых изделий на память.

Там публика кишмя-кишит у прилавков с иконами, крестами, четками, картинами, книгами и всякими домашними изделиями.

ми вроде ложек, ножей, деревянных блюд и т.п. Разговорились с одним из монахов-приказчиков и узнали не без удивления, что нередко в один день лавка выручает до 500 рублей.

Вид Спасова скита Святогорского монастыря на месте крушения царского поезда.

Настоятель монастыря, к сожалению, уехал в Спасов скит, недавно выстроенный в Борках, на месте крушения поезда

и чудесного спасения Царского семейства, так что я не мог с ним познакомиться. Скит этот тоже принадлежит Святогорскому монастырю, основан на его средства и от него снабжается монашествующий братией, почему хозяину монастыря приходится по временам навещать его.⁴

Кроме скита, монастырю принадлежат и несколько имений – мельница на Донце в с. Маяках, в Голой Долине, в Горожовке и пр.

* * *

Громадное каменное крыльцо ведет на обширную террасу главного Успенского собора, со всех сторон окруженного монастырским двором и другими церквями. С террасы вход в собор, – совсем еще новое обширное здание о пяти куполах, с величественными фронтонами и многочислен-

ными ликами святых по наружным стенам; с террасы тоже, только в другую сторону, и вход в исторические пещеры монастыря, самую характерную и самую чтимую святыню его.⁵ Пещеры всегда заперты на замок, и чтобы проникнуть в них – нужно было раздобыться особым монахом-проводником, разумеется, с благословения одного из начальствующих старцев. Темная утроба известковой горы просверлена, как ствол старого дерева червоточиной, бесконечными коридорами, ползущими вверх, спускающимися вниз, разветвляющимися в стороны. Нужна большая привычка, чтобы не ошибиться и не запутаться в этом подземном лабиринте. Коридоры эти делают незаметные круговые петли и с каждым поворотом поднимаются всё выше и выше; оттого так трудно двигаться по этой непрерывной наклонной плоскости, которая без ступеней переносит вас

мало-помалу на самую вершину высокой скалы. Но есть и ходы, уходящие круто вниз, к подножию гор, заросшими лесами, к самому берегу Донца: эти тайники, через которые древние отшельники, прятавшиеся в недрах скал от окружавших их отовсюду хищников, спускались в былое время за водой, – стали уже опасны и теперь завалены.

Своды подземных проходов вырублены из плотного известняка, связанного прослойками чрезвычайно крепкого сверкающего камня, и только местами подкреплены каменной кладкой и штукатуркой; они настолько высоки, что можно идти по ним, не сгибая шеи. Кое-где висят простенькие иконы, виднеются заложенные дверочки боковых пещерок и отверстия ниш, в которых прежде покоились кости почившихся иноков. Теперь кости эти вынуты из своих стенных углублений и снесены в

один громадный общий гроб, к которому спускаются особым коридором. Кое-где на пути маленькие часовенки; но в этом подземном ските есть и подземные церкви. Одна внизу, при самом начале пещеры, другая – вверху. Эти скромные храмики так живо напоминают, своею теснотою и наивностью своего убранства, такие же спрятанные в землях храмы первых христиан, находивших себе убежище в могильных катакомбах языческого Рима.

Рядом с нижнею церковью Алексея человека Божьего – могила первого после возобновления настоятеля Святогорского монастыря архимандрита Арсения; медная доска с надписью вделана над ним в стену. Старые пещеры были расчищены и правлены именно при этом трудолюбивом и энергическом хозяине монастыря, который по праву обрел свой вечный покой в этом поистине тихом пристанище. Впро-

чем, весь этот подземный лабиринт – одна огромная могила. Когда мы шли безмолвно по этим бесконечным темным переходам за высоким худым монахом в длинных черных одеждах, и слабые красноватые огоньки наших тоненьких восковых свечей трепетали в охватившей нас тьме как издыхающие мотыльки, чуть освещая наши бледные лица, – мне казалось порою, что это не мы, а наши умершие души смущенно бродят в вечном мраке могил, в поглотившей нас слепой утробе земной...

Верхняя пещерная церковь посвящена теперь св. Иоанну Предтече, – «начальнику пустынного жития»; чтобы спасти от сырости и гниения ее иконостас, весь остов его сделан из меди, а царские врата вылиты из бронзы.⁶ Но уцелел еще и древний каменный столб, поддерживавший своды, на котором найдена была старинная икона св. Николая Угодника, почитае-

мая чудотворною, и составляющая теперь одну из прославленных святынь монастыря, привлекающих к себе толпы богомольцев. Эти простые, младенчески-верующие люди изгрызли зубами всё основание мелового столба, ища в прикосновении к святыне исцеления своих многообразных недугов, так что теперь столб, висевший в воздухе, пришлось обложить камнем. Церковь св. Николая перенесена была отсюда наверх скалы, где она стоит и до сих пор, а почитаемая народом древняя икона, начиная с Пасхи до Покрова, пребывает в Успенском соборе монастыря, чтобы к ней был легче доступ богомольцев в главные храмовые праздники обители – св. Николая, Успения и Покрова Богородицы...⁷

Из маленьких окошек этой выдолбленной в камне маленькой церквочки видна вся сурово живописная лесная бездна, из чащи которой поднимается пещерная ска-

ла, так что верхушки гигантских сосен, карабкающихся по отвесным обрывам этой скалы, кажутся глубоко внизу.

В эту церковь-пещерку ходил изредка молиться по праздникам из своей подземной кельи старец-затворник Иоанн, память которого полны еще и эти пещеры, и весь монастырь. Келья старца по соседству с церковью, в толщах той же известковой скалы. Келья крошечная, только повернуться, но окошко, пробитое в скале, пропускает довольно свету; к келье примыкается еще более тесная прихожая, и между ними устроена небольшая печурка, несколько согревавшая невыносимую сырость и холод известняковых стен... Этот житейский комфорт суровый затворник позволил себе однако только под старость лет, выпросив у настоятеля разрешение устроить кое-какую топку после многих лет жестокого страдания от холода и про-

низывающей сырости в никогда не топившейся ни зимой, ни осенью каменной норе. Ни днем, ни ночью ему не приходилось спускаться с плеч овчинного тулупа; в нем он и ложился спать в деревянный гроб, всегда стоявший у стены его кельи. Теперь этот гроб убран, но на молитвенном угольчике под иконами лежат тяжелые железные вериги в добрый пуд весу, которые затворник постоянно носил на голом теле. Верики эти имеют вид пояса с двумя наплечниками вроде помочей, склепанных из грубого и толстого полосового железа. Еще многие здесь помнят отшельника, а наш известный паломник А.Н. Муравьев, любивший и часто посещавший Св. Горы с первого дня их возобновления в 1844 году, посещал затворника в его меловой скале и видел в ней гроб, заменявший старцу постель. Иоанн пришел в Св. Горы из Глинской пустыни Курской губернии в

числе первых двенадцати тружеников по восстановлению древнего монастыря — архимандритом Арсением, иеромонахом Феодосием и другими, неусыпными трудами которых Святые Горы собственно и приведены были в то цветущее состояние, в котором они с тех пор пребывают.

Иоанн был монах-простец, не отличавшийся ничем особенным от рядовой братии, и долго исполнял обязанности отца-гостинщика; когда он заявил о своем желании затвориться в скалу, умный и опытный настоятель монастыря очень боялся, чтобы этот тяжкий подвиг не оказался непосильным Иоанну и не окончился соблазном для остальной братии. Он долго отговаривал мало подготовленного старца от его намерения, описывая ему все искушения и опасности, которым он подвергнет себя; братия тоже не доверяла увлечению Иоанна и предсказывала ему,

*Прижизненный портрет Иоанна Затворника.
С литографии XIX века.*

что он не выдержит и одной недели затвора; но Иоанн настоял на своем, и Арсений собственноручно запер его на замок в его глухом, как могила, пещерном склепе на целый год безвыходного затворничества, где его посещали только ночные видения, да келейник подавал ему в оконце раза 2, 3 в неделю хлеб и воду. Изумительная сила духа и воли, перед которою нельзя не преклониться, хотя и отказываешься постигнуть необходимость подобных сверхчеловеческих стремлений подавить в себе все Богом в нас вложенные потребности жизни. Еще можно было понять удаление в пустыни и заключение себя в столпы и пещеры древних иноков Фиваиды или Палестины, окруженных со всех сторон морем враждебного им язычества, губившего и преследовавшего их, не дававшего им возможности предаваться мирной христианской жизни и духовному созерца-

нию, запрещавшей исполнять радостные для них священные обряды христианской религии. Но в века торжествующего христианства, при обеспеченной для каждого возможности устроить свою жизнь по своим духовным идеалам, – такое слепое подражание подвижникам первых бурных веков христианства – кажется ничем не вызванным и едва ли желательным. Светлая проповедь Евангелия и в слове, и в живом примере Спасителя, звала человека не к погребению себя заживо, не к мрачному отрешению себя от всех радостей и горестей людского существования, от всякого общения с недостойным родом человеческим, – а, напротив того, к деятельному сердечному участию в судьбах брата-человека, к одушевленной братской взаимопомощи и взаимной любви, к мирному и честному наслаждению чудными дарами Божьими. В Священном Писании,

когда говорится о последнем Суде мира, — яснее и ярче всего выражены жизненное призвание человека и основная сущность его нравственного долга; от него требуется не тот или другой характер верований, не тот или другой личный образ жизни его, — а единственно только то, что он сделал для братьев своих.

“И отыдут сотворшие благая в воскрешенье живота и сотворение злая — в воскрешение Суда”.

Но вряд ли удобный путь для “сотворения благих” ближним своим — уходить от них в каменные скалы и закрывать свой слух, взор и сердце от всех их нужд, печалей и радостей.

Несомненно, что постоянное убивание плоти, многолетняя привычка господствовать силою духа своего над требованиями телесных органов, — помогает таким подвижникам развивать свои духовные

способности до такой высоты и мощи, которые нам, людям мира, кажутся просто чудесными и невероятными, и которых между прочим достиг, по рассказам монахов, затворник Иоанн.

В сущности тут нет ничего невероятного и неестественного. Как возможно человеку исключительным долговременным упражнением мускулов обратить себя в настоящего Геркулеса, подбрасывающего как мяч десятипудовые гири или сравняться по ловкости с настоящею обезьяною в прыганьи и лазаньи, так точно и люди, посвятившие свою жизнь исключительному развитию своих духовных сил, — могут достигать в этой мало разработанной нами области таких же в своем роде изумительных и кажущихся нам недостижимыми результатов, как, напр., силы провидения будущего, разуменья мыслей и характера человека по его внешнему выражению и т.п.

Затворник Иоанн был мне земляк, курянин родом, из семьи мещан Крюковых, и провел свое детство в тяжелых условиях труда и бедности мальчишкою-печником, терпя побои и обиды; хотя он был женат и будучи взрослым устроил свое благословение как самостоятельный хозяин прибыльной печной фабрики, постоянных дворов и гостиницы, но после смерти жены решился исполнить давнишнее желание своей молодости – уйти в монастырь.

Начав иночество в Глинской пустыни, славившейся строгостью своего Афонского устава, – Иоанн под именем Иоанникия стал в новом монастыре, куда он перешел экономом, гостинщиком и деятельным производителем всяких строительных работ. Он раскопал на монастырском кладбище подземную церковь св. Антония и Феодосия, ископанную еще древними Киево-Печерскими монахами,⁸ он, рас-

чистил и пещеры меловой горы, в которой потом затворился, и вообще много содействовал архимандриту Арсению в материальном возрождении древней обители. А став затворником, он сделался духовною славою Святых Гор и слухом о своих отшельнических подвигах привлекал в монастырь множество богомольцев, жаждавших поведать святому старцу душу свою и получить от него спасительный совет. Да и теперь, в своей скромной могиле, которую мы посетили в монастырском хуторе, верстах в 2-х от монастыря, – старец Иоанн ежедневно собирает вокруг себя толпы благочестивых поклонников, так что панихиды над его гробом поются почти непрерывно, доставляя не малый доход монастырю.⁹ Тут же в скале, недалеко от кельи старца и пещерная трапеза неведомых древних иноков, корда-то спасавшихся здесь. По размерам своим

она могла вместить в себе до двенадцати человек; архимандрит Арсений еще захватил в ней остатки русской печи, в которой варилось кушанье; большой крест из ржавых железных полос прибит гвоздями к каменной стене. Но и стены, и свод уже дали изрядную трещину, несмотря на прослойки сверкающего как стекло твердого кремня.¹⁰

Еще три иноческие кельи, с маленькими оконцами на свет Божий, вырублены в толще скалы рядом с кельей затворника; у стен их каменные лежанки вместо постелей, высеченные из того же сырого известняка. В красном углу каждой кельи висят образа, и их яркие краски вместе с пробирающимся в оконца светом дня несколько оживляют их могильную пустоту. В них теперь не живет никто; не жил никто и в годы затвора Иоанна, так что он оставался один-одинешенек заживо погребенным в

этом громадном пещерном склепе, с его бесконечно разветвляющимися темными переходами и закоулками, с костями неведомых людей, безмолвно тлеющими в его глухих уголках, глаз-на-глаз со своими безсонными мечтаньями о бесах и мучениях ада. Жутко читать в описаниях его затворнической жизни – какими “ночными страхованьями” по-временам мучился он.

“Однажды, когда после молитвы ночной лег он отдохнуть в свой гроб, слышался ему шум в пещерном коридоре, сопредельном его кельи, и вслед затем два незнакомца необычайного роста вошли в его келью и, остановившись, с великою злобою смотрели на него и говорили друг другу: “съедем этого старика чтобы он не молился так постоянно!..” Затворник, ожидая себе смерти, смежил глаза и начал творить молитву Иисусову. Дикий хохот

послышался в его келье, и привиденья затем исчезли”.

Это записано со слов самого затворника. Даже келейники его, приходившие иногда по ночам читать ослепшему затворнику утреннюю службу, – не без ужаса проходили по глухим черным переходам скалы-могилы.

Инок Мартирий, например, возвратившийся в 3 часа ночи из кельи затворника, как безумный прибежал в свою келью, преследуемый, как ему казалось, со всех сторон огненными чудовищами, щелкавшими зубами и готовыми его пожрать.

Не мудрено, что в тяжелой атмосфере могилы – всем им чудились эти могильные виденья...

Небольшая дверочка, сделанная в наружной стене скалы, выводит из темной печальной утробы на радостный свет Божий. Трясущаяся досчатая галлерейка

висит как прилепленное гнездо ласточки высоко над лесною и водною пропастью, открывая внизу и кругом поразительные виды. С этой галлерейки мы поднялись по лесенке на другую деревянную галлерею, которая окружает церковь св. Николая, перенесенную на вершину скалы из древнего своего пещерного помещения. Впрочем и здесь эта старая церковь на половину врублена в мел. На самый пик скалы нужно подняться еще несколько выше, так что церковь св. Николая остается на нижнем ее уступе. Сквозная часовенька на четырех столбах из тесанного камня венчает пик скалы. Внутри ее образ Преображения Господня, сложенный из красивых разноцветных камней, и медная доска, на которой начертано краткое сведение об освящении и возобновлении монастыря знаменитым нашим духовным проповедником архиепископом Иннокентием

Борисовым.¹¹ Освящение происходило именно здесь, на вершине древней пещерной скалы, сохранившей в своих недрах осязательные памятники былой многовековой истории монастыря.

Древняя Святогорская обитель подпала жребию многих наших старинных монастырей.

В 1787 году она была упразднена по велению императрицы Екатерины II и обращена в приходскую церковь; все монастырское имущество и все вотчины обители были отобраны, “в экономию Екатеринославского наместничества”, а монахи были высланы из монастыря. Местное предание рассказывает, будто “великолепный князь Тавриды” Потёмкин, проезжая в Крым мимо Св. Гор, восхитился прекрасным видом монастыря среди лесистого берега Донца и выпросил себе у “Матушки-Царицы” этот “рай

Вид на Андреевскую часовую на меловой скале.

земной”, так он называл Св. Горы в своем письме к императрице.

“Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович, – писала ему в ответ Екатерина в октябре 1790 года. – Дав тебе рай земной сегодня, как ты называешь ту дачу, которую ты меня просил, прошу тебя, если надумаешь оную паки продать, предпочтительно мне оную продать!”

Потёмкин вместе с дачею выпросил себе и “рощицу”, как он назвал окружающие обитель леса; в “рощице” этой, считая с дачею, оказалось не более не менее как 27.000 десятин и при них 2.000 душ крепостных крестьян.

57 лет продолжалось официальное упразднение обители, хотя народ и особенно казаки по-прежнему толпами двигались сюда на богомолье в старинные монастырские праздники.

Судьба устроила так, что древний мо-

настырь, уничтоженный одним Потемкиным, был восстановлен другим Потемкиным, хотя и не потомком князя Тавриды. Александр Михайлович Потемкин, муж известной благотворительницы Татьяны Борисовны Потемкиной, рожденной княжны Голицыной, проникшись под влиянием своей богомольной жены страстным желанием возобновить Святогорскую обитель, променял своему брату по

*Татьяна Борисовна и Александр Михайлович Потёмкины.
Восстановители Святогорского монастыря.*

матери кн. Юсупову свое Курское имение, уступив ему при этом тысячу душ, и взял вместо него Св. Горы; доставшиеся Юсупову после Энгельгардта, племянника кн. Потемкина.

В 1844 году был испрошен Царский Указ на возобновление Святогорской Успенской пустыни, и первым архимандритом в нее был приглашен энергический и опытный иеромонах Глинской пустыни Курской губернии отец Арсений, которому запустевший монастырь и обязан, главным образом, своим возрождением. Высоко-талантливый, предприимчивый устроитель наших южнорусских святынь, архиепископ Иннокентий Борисов своим горячим сочувствием много помог восстановлению древней обители. Он прибыл в Святые Горы накануне обновления ее и в торжественной процессии, сопровождаемый толпами отовсюду сошедшегося на-

рода, и встретил прибывший из Москвы образ Успения Богоматери, копию с древней чудотворной иконы, которую московский митрополит Филарет благословил возрождавшуюся обитель.

– “Святые Горы! зрите, кто пришел к вам и преклоните верхи ваши пред Царицею неба и земли!..” – воскликнул мастиный проповедник и вместе с многочисленным народом и духовенством повергся на землю перед иконою...

“Плен Сиона окончился, и сей Лазарь, не 3 дни, а 70 лет лежавший во гробе, паки возстал!” – закончил он свою пламенную речь.

*Святогорский архимандрит Арсений,
первый по возобновлении обители настоятель
с 1844 по 1859 гг.*

* * *

Неописуемый вид открывается с этого своеобразного мелового балкона, висящего высоко над окружающими его пропастями... Отвесные меловые утесы обрываются стеною прямо под ногами, теряясь там внизу в густоте леса; сосны-великаны, темные и мрачные, лезут со всех сторон из этой пропасти на обрывы скал бесчисленными полчищами, будто осаждающая их рать исполинов; сверху, над головами нашими, совсем близко тоже подвинулись грозные и тяжкие кручи, ощетинившиеся такими же колоссальными стрелами сосен. А ниже этих скал, обрывов и лесов, каким-то чудным светлым видением вырезаются ярко облитые солнцем белые стройные храмы с золотыми крестами и маковками, многочисленные белые корпу-

са и ограды, – и под ними, глубоко внизу, словно на дне головокружительной бездны, синяя ширь Донца, что ровным могучим столбом прорезал свой путь среди гор и лесов туда на юг, к своему батьке – синему Дону. Целая необозримая страна кудрявых, золотом и бронзою проступивших лесов, уходит далеко за горизонты, куда только хватает глаз, по ту сторону реки, на луговом берегу ее...

* * *

И тут на меловом утесе, и по многочисленным изворотам лестницы, поднимающейся из монастырского двора на горы, и выше нас, по белой тропе, что лепится на последнюю коническую скалу, венчающую все эти горные пирамиды, – везде бредет и копошится богомолец...

Вид Преображенской церкви на горе Фавор.

Русскому простонародному сердцу сладка и умирительна эта картина тихой лесной красоты, осеняющая его возлюбленные святыни, – и бедняга-странник, зайдя в этот благословенный уголок, где ему всегда готов уют и кусок хлеба, отдыхает в нем не только своим изможденным телом и истомленными ногами, но и своею смиренною душою, не избалованной никакими радостями в враждебной ему суете мирской жизни...

* * *

Мы тоже потянулись вслед за толпою странников и странниц на макушку горы, где выстроена, далеко видная отовсюду, самая высокая из всех церквей Святогорской обители – церковь Преображения Господня, венчающая будто гигантским крестом всю семью монастырских гор и

монастырских храмов... Церковь Преображения двухярусная. В верхнем ярусе прекрасный резной иконостас из темного кипариса большого вкуса и большой простоты; в нижнем – замечательно хорошо написанная икона Божьей Матери, копия с Рафаэля, как оказалось, задушевное творение молодого художника-инока, безвременно угасшего в монастыре. На дворе храма в тени деревьев огромная кадка с водою и ковшом; это очень умный и добрый обычай, который не мешало бы усвоить и другим обителям, и который особенно оценивается здесь на юге утомленными богомольцами, которым приходится подниматься на такие кручи и выстаивать на ногах такие длинные, истинно афонские службы.

Вид Иконостаса Преображенской церкви.

* * *

Спустились мы уже не через меловые пещеры, а по широкой, пологой лестнице с бесчисленным множеством ступеней, с часовнями и приютами для роздыха по пути, что вьется по уступам скал среди лесных чащ от главного монастырского храма внизу до меловой церкви св. Николая.¹² Дешевые иконы и картинки развешаны кое-где по стенам этой крытой ступенчатой галлерей, но жаль, что эти стены не обращены в галлерей наглядного обучения своего рода, что они не рассказывают яркими и осязательными картинами последовательной истории хотя бы этой самой обители или вообще всей истории христианства на Руси. Я помню, какое утешение и какое полезное поучение доставляло народу подобные даже

грубо набросанные фрески на стенах Кладезной лестницы Коренского монастыря, теперь к сожалению уничтоженные, изображавшие в целом ряде понятных народу картин всю историю Коренской пустыни и ее чудотворной иконы...

* * *

Вечером мы наняли большую не валковую лодку и отправились вверх по реке к так называемому “Святому месту”, где устроен монастырский скит.

Весело и свежо на воде; дружно и споро катится нам навстречу вся мощная ширь Донца; нигде на нем ни песчинки, ни камышинки. Бегущая среди лесов и лугов река сохранила свою девственную глубину и полноводие, которые уже так редко встречаешь теперь даже и на самых

больших реках. Леса на каменных скалах слева, леса на травянистых лугах справа, и неоткуда взяться глинистым и песчаным наплывам. Это еще тот самый старый многоводный Донец, каким он был века назад на пространстве сотен верств своего течения, каким его видел еще князь Игорь, когда бежал из Половецкого полона, скрываясь в дремучих чащах его берегов.

Мудрый Царь Петруша, рука которого до сих пор чувствуется у нас везде, не даром грозил смертною казнью за истребление лесов по берегам рек.

Отвесные горные пирамиды, мимо которых бесшумно скользит наша лодка, ловко управляемая привычною рукою, — одевают своим синим холодным сумраком и нас, и прозрачные омуты реки. Мы пристали глазами к их суровой красоте и не

говорили ни слова, охваченные каким-то бессознательно-благоговейным чувством, словно эти безмолвные леса темных сосен, теснящихся по скатам и ущельям, будто траурные толпы гигантских монахов, – тоже священный храм своего рода, требующий молитвенной тишины. Ясный вечер догорал на небе, и перед нами, и позади нас, тянулась теперь, словно глубокое ущелье, обставленная с обеих сторон стенами лесов, переливавшая то тьмою, то светом, трепетавшая будто змеиной чешуей своею синезеленою зыбью, как стрела прямая водная дорога Донца.

Освещенная последними лучами заката, узкая полоска неба далеко впереди, не загороженная скалами, дубами и соснами, казалась распахнутою дверью в какой-то манящий вдаль таинственный светлый чертог.

* * *

У домодельной пристани при подножии лесистой горы маленькая сторожка. Но ни одной живой души не видно и не слышно на этой пустынной горе. Голубые сойки и пестрые дятлы одни суетливо перелетают с дерева на дерево и перекрикиваются своими резкими голосами, наслаждаясь, вероятно, как и мы последними лучами солнца в этих насквозь пронизанных им зеленых чащах. Хорошенькая серенькая змейка, вся в мелком кружеве сверкающих чешуек, быстро выскользнула из-под наших ног. Змеи здесь водятся в изобилии; не даром и наш известный писатель-паломник А.Н. Муравьев, высаживаясь из лодки в то же “Святое место”, когда еще здесь не был построен скит, – видел двух змей, пере-

плывавших на тот берег Донца. Крутая тропа ведет через лес к вечно запертым воротам скита, мимо большого, отлично устроенного колодца. Скит построен на том самом месте, где, по преданию, еще в древности спасались Святогорские пустынники, от которых оно, вероятно, и унаследовало свое прозвание “Святое место”. Вместе с тем скит оказался и на месте какого-то неведомого древнего городища, земляные валы которого отчасти окружают его и теперь. Было-ли это старинное сторожевое укрепление, какой-нибудь “стоялый острожек”, оберегавший татарский перелаз через Донец в дни Ивана Грозного или Бориса Годунова, а, может быть, это еще уцелевший остаток гораздо более седой древности, сохранивший в своем имени память о каком-нибудь языческом святилище, почти всегда скрывавшихся в лесах и на

горах, на берегу больших рек. Святые Горы так давно были известны под этим именем, что невольно думается, что они могли быть святыми еще и в глазах язычников, так как почти все старинные христианские монастыри воздвигались на месте прежних святынь язычества, стараясь заменить их собою в религиозных привычках народа.

Скит со всех сторон окружен стенами,

Внутренний вид Святогорского скита.

и вход в него разрешается только 4 раза в год, в дни самых больших праздников.¹³ Три крутые лесистые горы надвинулись на него еще более недоступною оградю. Все тут безмолвно и неподвижно как в могиле, словно все живущее давно вымерло в нем... На воротах и ограде передней стороны стоят такие же неподвижные и безмолвные и сурово смотрят на нас написанные во весь рост изможденные лики “начальников пустынножития”, Пахомия Великого, Арсения Великого, Петра Афонского, Антония и Феодосия и много других, целый внушительный строй черных мантий, схимнических облачений, седых бород по пояс, защищающих, словно верная стража, свою траурною дружиною вход недостойным в эту юдоль покаяния и слез...

В ските день и ночь идет безостановочное чтение псалтыря по усопшим,

внесшим в монастырь свои поминальные жертвы. Каждый старец скита обязан поочередно 2 часа кряду стоять на этом послушании. Влево от ворот, вне стены скита – часовенька, в которой монах записывает вклады на поминовение. У него на прилавке целая куча больших книг, наполненных именами.

Одни записываются на вечное поминовение, другие на определенный срок, на год, на полгода, на несколько месяцев, на несколько дней. Все зависит от размера

Вид на св. врата Святогорского скита.

денежной жертвы. Тут же продаются фотографии скита, портреты его старцев.

На меня посещение этой живой могилы, в которой люди добровольно отлучают себя на всю жизнь от всякого общения с братьями-людьми – произвело тяжелое впечатление. Не думаю, чтобы Евангельское учение любви, добра и милости звало человека на это погребение себя заживо в полном отчуждении от горя и радостей своих ближних. Еще менее согласным с духом безкорыстной Евангельской любви и братства людей кажется мне это вторжение торгового начала в поминовение по таксе усопших, при котором богач, может быть, жестокий и бесчестный, оплачивает молитвы за себя на долгие годы, а бедняк, не осиливший внести лепту даже за однократное поминовение себе, – лишается молитвенного ходатайства церкви...

* * *

Когда мы возвращались из “Святого места”, и на левом берегу показались сквозь прогалины леса избы слободы Банной, мы разговорились с нашим молодцом-лодочником, который тоже оказался крестьянином этого села. Он сообщил нам, что лодки свои они строят сами и что хорошая большая лодка вроде той, в которой мы ехали, обходится рублей в 30.

– Что ж, небось, хорошо живется вам? – спросил я. – Все тут у вас под рукою: и река, и луга, и лес кругом...

Бородатый лодочник насмешливо pokrutil голову и сказал, вздохнув:

– Близок, барин, локоть, да не укусишь! Хоть, положим, точно и река у нас под дворами, и лес, и луга, да ведь дворы то наши все равно что цепью оцеплены – все

Вид на с. Банное.

панские уголья кругом! Теленок сунется, жеребенок, курица, – сейчас штраф, потрава... Хворостинку в лесу выломлешь, сейчас протокол, в суд... Так разве это житье? Ведь у нас в Банном и Татьянине всей земли по одной десятине на душу, – вот

и управляйся как знаешь, подати плати и семью корми. Да еще земля-то где? Жительство наше вон на том берегу, а поле на правом, версты за три от монастыря. Вертись как знаешь!

– А когда это бунт у вас был в Банном? Из-за чего?

– Бунт точно был, – немного смутившись ответил лодочник, глядя куда-то в сторону. – Года три назад.¹⁴ Опять же из-за тесноты. Сам то граф наш ничего себе, от него нет обиды, да управляющие-немцы одолели, дохнуть не дают. Особливо новый. И ведь мальчишка молодой, кочегаром и машинистом у графа нашего был, а преядовитый; от него все беды и идут. по-нанял это черкесов с ножами да с ружьями в сторожа, наберет мужичок вязанку дрома в лесу, или скотина на луг зайдет, сейчас это черкес за гриву хватает, к земскому, штраф! Ну и стало в нетерпеж.

Ярмарка ведь у нас бывает большая на Успение, народ со всех мест собирается: наехали подводы, лошадей навели, волов, распространились по лугу панскому, а черкесы откуда ни возьмись и учили нагайками народ с луга стогнать. А куда народу надеваться? Мужички наши за дрючки, навалились на них, пятерых азиатов и пришибли насмерть, а трое ушли; и нашего одного черкес ножом распорол, все чрево вывалилось. Не приведи Бог что только было, страсти одни! А как покончили черкесов, тут же и бунт покончился. Вся ярмарка разбежалась. Думали, в толпе никого не разберут. Да ведь на нашу ярмарку всегда полиции видимо-невидимо нагоняют; полицейских-то переодетых, может быть, человек пятьсот было, — они то и подметили кто больше воевал. Не успеет мужичок в свое село приехать, его сейчас и хватают; пожалуй на расправу! Много

народушка похватали, в тюрьмы понасажали. А потом судебная палата харьковская вся к нам наехала, суд пошел, каких мужичков в Сибирь на поселение угнали, каких в острог, в роты арестантские...

– Что ж, и теперь черкесы у вас?

– Они же опять; только потише стали. А тех побитых граф похоронить велел на свой счет, около усадьбы своей. Один то оказался христианской веры, тому крест на могиле поставил, а другие – нехристи, – так тем только столбочки, вроде как-бы шапки круглой...

* * *

Всенощную мы отстояли в большом Успенском соборе, огромном, совсем еще новом пятиглавом храме с высокими сводами, с богатым золоченым иконостасом в 4 яруса.¹⁵ На стенах изображения святых

угодников крупнее чем в рост человека, картины священной истории такого же грандиозного размера. Хотя завтра и не было большого праздника, но густая толпа богомольцев заливала обширный храм так, что протиснуться было трудно.

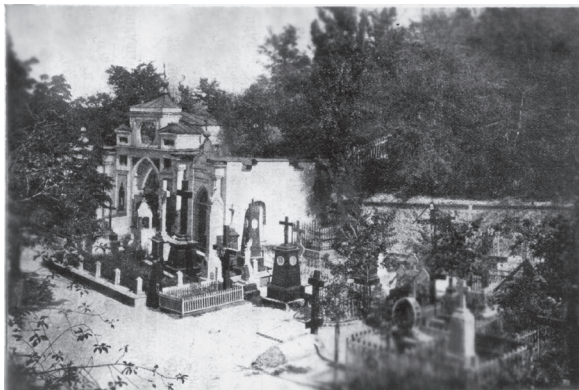
Служба здесь величественная и долгая, по Афонскому уставу, который перенесен сюда из Глинской пустыни настоятелем Арсением и первыми иноками восстановленного монастыря. Два многолюдных хора монахов соединяются при пении главнейших стихирь в один общий хор; черный ряд мантий и клобуков сурово-траурным полукругом становится тогда перед царскими вратами, и могучие мужественные голоса, свежие и звонкие, какие вырабатываются только на вольном просторе малороссийских степей, без смягчающей примеси дискантов и альтов, — наполняют высокие своды собора важ-

ными и торжественными звуками священных песнопений, особенно подходящими ко всему строгому духу монастырской службы. Горластые дьякона режут и гудят своими молодыми басами, чередуясь с хором, словно трубы иерихонские; старцы-иеромонахи двигаются бесшумно и стройно, тоже по строгой иноческой дисциплине, и во главе их совсем седой старец-игумен с суровым взглядом и бледным лицом, заменяющий отсутствующего архимандрита.

* * *

На другой день, после обедни в том же Успенском соборе, мы посетили монастырское кладбище и древнюю пещерную церковь прп. Антония и Феодосия.

В этом “ближнем” кладбище, предназначенном для особенно уважаемых по-

*Вид кладбища при церкви прп. Антония и Феодосия.
В центре – памятник в виде пирамиды из черного мрамора атаману Войска Донского, графу М.И. Платову.*

койников, благотворивших монастырю, похоронена под великолепными памятниками целая семья Иловайских, князя Голицыны и другие знатные люди; на мраморной пирамиде графа Матвея Ивановича Платова, командира атаманского полка, сын которого был в университете моим товарищем по курсу и факультету,

– очень выразительные эмблемы его боевого звания – казацкая шапка, сабля и пистолеты...

У самого входа в пещерную церковь – гробницы спутников архимандрита Арсения, первых основателей возобновленного монастыря, – духовника Феодосия, иеромонаха Киприяна и Паисия. Подземная церковь очень небольшая, но все-таки в нее спускаются с зажженными свечами и под предводительством монаха. Монах этот рассказывает пристывшей к его устам толпе богомольцев историю этой подземной церкви. По преданию, она была ископана в глубокой древности киевскими монахами, бежавшими в 1240 г., при разорении Киева Батыем, из Киево-Печерской Лавры, и потому-то посвящена была киевским угодникам. Впоследствии, церковь эта засыпалась и была совершенно забыта. Но при обновлении монастыря в 1844 г.

столетний старик пастух, бывший когда-то работником в старом монастыре, постригся в монахи новой обители под именем Мафусаила и рассказал братии, что в молодости своей, пася овец в лесу, он напал на след какой-то завалившейся пещеры, в которую вело маленькое оконце, и которая должна быть древнею церковью Антония и Феодосия. Монахи не придавали значения рассказам старика, но епископ Иннокентий, просвещенный любитель и знаток древностей, – которого столетнюю память только что отпраздновала русская церковь, – услышав от архимандрита Арсения о рассказах Мафусаила, нарочно приехал в Святые Горы и после многочасовой беседы с Мафусаилом приказал немедленно раскапывать указанное им место и записать все сохранные старцем предания о ней.

Братья тотчас приступили к работе,

Вход в подземную церковь прп. Антония и Феодосия.

дружно раскопали, вынесли землю, спустились внутрь через тесное слуховое оконце и к великому своему изумлению и радости очутились вдруг в алтаре маленькой подземной церкви, откуда уже стали очищать от земли и остальные части неожиданно открытого древнего храма. Старец Мафусаил словно предопределил – был от Бога для открытия этой святыни, потому что он скончался тотчас по открытию ее, прежде даже чем было окончено вполне очищение указанной им церкви.

Когда братья целым собором хоронили его со слезами на кладбище у входа в пещерный храм, где мы и теперь видели покрывший его серый камень, – проезжавший мимо купец Изюмский, вообще довольно равнодушный к церкви, остановился у кладбища, чтобы узнать, кого это хоронят так умилительно; ему рассказали про открытие Мафусаила и свели его

в подземную церковь. Купец до того был растроган, что принял на свой счет все расходы на ее возобновление и сделался с тех пор одним из усердных ревнителей монастыря.

* * *

Утром, до обедни, мы пошли побродить по горным лесам монастыря, примыкающим вплотную к парку гр. Рибопьера и его живописной усадьбы. Старые дубы и липы еще не обростили своего осеннего убора, а густые шары омели, насевшие целыми семьями на широкие кроны лип, своим свежим зеленым цветом придавали им совсем летний вид. В графском парке мы наткнулись на могилы убитых черкесов, о которых нам рассказывал лодочник.

Мусульмане и христианин покоились рядом под насыпями, обнесенными ре-

шеткой, как рядом и погибли они.

На вершине горы в сотне сажен от опушки леса, монастырский хутор, где уютится всё экономическое хозяйство монастыря; с четверть версты дальше – монастырское гумно, заставленное скирдами хлеба, стогами сена. Летом на молотьбе работает до 60-ти человек одних монахов, не считая наемных рабочих; монахи воз-

Вид на дом графа Рибопьера.

ят снопы, подают в молотильную машину, косят. На другом хуторе монастыря, на монастырской мельнице в Маяках, тоже хозяйничают и работают монахи. Но на хуторе не одно хозяйство. Там еще монастырская больница и при ней церковь. Затворник Иоанн скончался в этой больнице и похоронен около нее. Над могилою его целые дни почти без перерыва служатся панихиды богомольцами, и память о его отшельнических подвигах несомненно стала теперь одним из главных побуждений народного паломничества в Святые Горы.

Когда, осмотрев все верхние окрестности монастыря, мы спускались, слышав благовест к поздней обедни, по ступенькам крутой тропы, сбегаящей через лесную пропасть в нижний монастырь, — мы нагнали тихо плетущегося в церковь старика монаха; заговорили с ним о древ-

них монастырских преданиях, о иноках-подвижниках...

– Нет, у нас какие же древности... У нас, слава Богу, все заново теперь отстроено,

*Вид на больничный хутор с церковью
во имя Ахтырской иконы Божьей Матери.*

– оправдывался старик, очевидно считая некоторою виною со стороны монастыря сохранение его в древнем виде. – Видели небось Успенский собор? Расписан-то как!

Ничего, кроме всем известных преданий, – тоже ему ведомых не совсем ясно, – смиренный инок не знал и с очевидной неохотой касался этой малоинтересной ему области, а когда я спросил его, есть ли теперь в монастыре затворники и схимники, то он ответил, безнадежно махнув рукою:

– Ну вот, какие же нонче подвижники! Эти дела в старину бывали, 300, 400 лет тому назад, а теперь кто на это пойдет? кого заставишь? Совсем не те мысли у людей пошли...

* * *

Мы сели отдохнуть в тени деревьев над обрывом, у подножия которого высились золотые главы и белые здания монастыря и откуда открывалась нам вся восхитительная панорама Донца и его лесистых

окрестностей.

Невольно мечта перенеслась в воспоминания глубокой старины, когда еще на этих берегах не слышно было русской речи, и какие-нибудь степняки хозары строили свои вежи и разбивали свои кочевья. Можно предположить, что еще в IX веке христианство уже угнездилося на этих меловых утесах, в этих недоступных пещерах, потому что Кирилл и Мефодий, просветители славян, пронесли Евангельское учение и в Хазарское царство, обнимавшее тогда собою берега Донца и Дона. А может быть, а еще гораздо раньше христианства, эти пещеры были приютом какого-нибудь степного народа, сарматов или скифов, – и христианский крест, как это чаще всего бывало, осенил собою упраздненное языческое капище, которое только передало Святым Горам в историческое наследство свое старое имя.

*Икона св. Николай и семь отроков Эфесских.
Камень. Резьба. XIV в. Исторический музей
Святогорского историко-архитектурного заповедника.*

Во всяком случае несомненно, что христианские иноки розыскали этот живописный уголок и угнездились в его безопасных природных твердынях, укрытых лесами и приподнятых высоко к небу, – в самую раннюю пору русской истории, так что киевские монахи, бежавшие в XIII веке от Батыея, вероятно, уже знали о существовании здесь пещер и христианских отшельников.

“Если здесь не уметь, то где же молиться? Здесь так близко к небу, здесь так далеко от земли!” – выразился о Святогорских горах архиепископ Филарет.

С XVI столетия Святые Горы уже начинают упоминаться в летописях и государственных актах, как одно из важных сторожевых укреплений. Недаром по старой описи монастыря поминаются в нем три медных и одна чугунная пушка. Вследствие близости Святых Гор к крым-

ским улусам, сюда изстари направлялись “утеклецы” из татарского полона, чтобы, отдохнув среди своих, двинуться дальше в глубь родной земли.

“Из Рыльска прибыл станичник толмач Гаврило, коего князь Петр Иванович Кашин посылал к Св. Горам” – записано под 1547 г. в “Львовской” летописи.

В расписаниях Донецких сторож 1571 г. говорится: “5-я сторожа Святогорская, от Изюмской стороны полднища, а сторожам на ней стояти из тех же городов (Рыльска и Путивля) шести человекам, из города по 3 человека, а беречи им по Донцу до Савинского перевозу, и налево вниз по Донцу до устья Оскола днища полтора”.

“Стояти сторожам на Святогорской стороже на сей (левой) стороне против Св. Гор... стояти им укрываясь в луке против Св. Гор и по иным местам”.

В XVII столетии Святые Горы делаются

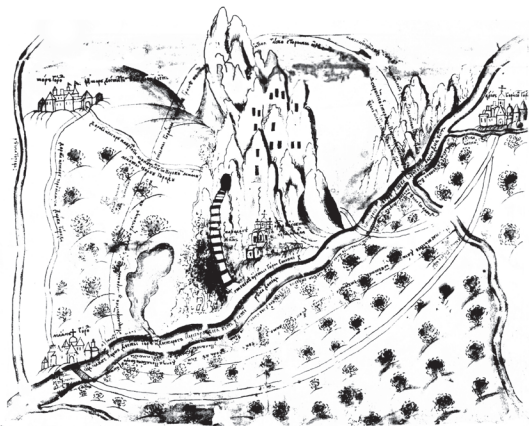
своего рода дозорным местом, из которого наши порубежные караулы наблюдали за движением беспокойных крымских хищников и своевольных черкас, нападавших одинаково и на татар, и на русских.

“26-го апреля 1654 года прибежал в Валуйки из Святогорского монастыря станичный атаман Наум с товарищи и сказал: сказывал им в монастыре игумен Феофан, приходили в Святогорский монастырь с Дону донские казаки молиться и сказывали, послана-де с Дону станица к Москве с вестями на святой неделе, что Крымский Царь подымается на Государевы города”.

В 1679 году татары ограбили и разорили Святогорский монастырь и увели в полон архимандрита Иоиля с братиею, продержав их у себя более двух лет”.

Двенадцать лет спустя из подвластного монастырю городка Маяков или “Маяцкого”, который мы проехали по

дороге в г. Славянск, под именем слободы Маяки, верстах в 7-ми от монастыря, и в котором мы видели большую монастырскую мельницу, крупорушку и сукновальню, – приказный монастырский доносил Чугуевскому воеводе: “Алексей

*Вид Святогорского Успенского монастыря в XVII.
Рисунок 1679 г.*

Федорович Залеский, идя в Маяцкой и прошед Царево-Борисов и Донецкий колодезь выше Святых Гор видел на старом перевозе перешли воинские люди Донец с Крымской стороны на Ногайскую; и видел он, Алексей, тех людей въявь, по смете тех людей со 150, и те воинские люди против старого перевоза взяли в полон Святогорского наместника, черного попа Паисия. И я, господине, собрав Маяцких людей и черкас, за теми воинскими людьми в погонь посылал до старого перевоза, и Маячане за теми воинскими людьми ходили до старого перевоза, и воинских людей не видали, а видали только сакму и по той сакме ходили за речку за Нетриус до урочища Лимана, пошла сакма до р. Же-ребца, и воинских людей не догнали”.

Через 3 недели татары опять появились у Святогорья.

“Ноября 2-го пришел в Маяцкий Се-

мен Козинкин и сказал: возил он дрова к р. Донцу маяченику Якову Чулкову выше Св. Гор и старого перевоза, из Теплинского лесу, и видел три сакмы воинских людей и те три сакмы пошли к старому перевозу”.

Даже до половины XVIII столетия монастырь продолжал страдать от набегов и грабительства крымчаков, и еще в 1737 г. всё хозяйство монастыря было совершенно разграблено татарскими шайками. Великие князья и цари наши ценили важное порубежное значение Святогорской обители, именовавшейся при царе Михаиле “монастырем за чертою”, наделяли его землями и доходами и постоянно заботились о его защите от врагов и об охране его имущественных прав.

Царь Михаил Федорович в грамоте своей 1644 г. предписывал Чугуевскому воеводе:

“И ты б сослался в Белгород с Никитою

Бабарыкиным, велел быти в Святогорском монастыре Чугуевским служилым людям 3 человека с Белгородскими служилыми людьми вместе, и отпускал бы в Святогорский монастырь на байдарах со всякими запасами и велел быти в Святогорском монастыре непременно по 3 месяца... да Чугуевцам приказал бы, чтобы они в Святогорском монастыре были с большим береженьем, чтоб над ними татары и воры черкасы безвестно, украдом и обманом какого дурна не сделали... А будут в Святогорском монастыре из Крыма или от Ногай, или из Цареграда или иных земель полоненики, русские люди или иноземцы: и они б полоненных про татарский приход и про всякие вести спрашивали; а за которыми полонениками будут вести большие – и они с большими вестями присылали товарищей своих в наши польские (т.е. в поле, в степи стоящие) города, которые к

Святогорскому монастырю податны”.

А в 1672 году приказывалось Чугуевскому воеводе: “и ты б по указу Великого Государя Святогорского монастыря, что на Северном Донце, игумену Корнилию с братиею для бережения от прихода неприятельских людей велел дать в Чугуев полпуда пороху ручного, свинцу полдесять гривенок с роспискою”.

Когда же у монастыря завелись споры об угодьях с соседними городами и владельцами, царь Федор Алексеевич сделал в 1679 году такое распоряжение Белгородскому воеводе Пашкову:

«Как к Вам сия наша Великого Государя грамота придет, и вы б из Белгорода в Царев Борисов и в Маяцкий, и в Солёный городы и в Святогорский монастырь послали дворянина добре... и с ним подьячего добре; и велели им в тех городах, которые к тем городам и к монастырю близки, взяти

с собою сторонних людей добрых и старожильцев, которые тамошние места знают. И с теми сторонними людьми и старожильцы и с Царе Борисовскими и Маяцкими и Соленого города (Славянска) людьми лучшими, против челобития архимандрита Иоиля с братиею, монастырские их земли и всяких угодий, по даче и по выписи и по межам и по граням досмотреть те земли и леса и рыбные ловли, которые по даче боярина и воеводы князя Бориса Александровича Репнина с товарищи 174 году (1666 г.) за тем монастырем Святогорским написаны... и те земли по той даче и по межевым книгам со всеми угоды отдать к тому монастырю... А около того монастыря в ближних местах лесных угодий пустошить и в Северском Донце рыбу ловить тех городов жителем не велеть, чтоб того монастыря архимандриту с братиею было чем впредь питаться и розно не разойтись...»

*Вид святогорского монастыря
в дни возобновления в 1844 г.*

Таково было в течение многих веков русской истории великое государственное значение Святогорского монастыря. Его горные твердыни, защищенные с одной стороны пучинами реки, с другой стороны глухими лесами, были своего рода конечным острием того железного клинка, который вбит был русскою государственною силою в глубину степей, под самое сердце Крымского ханства, целою цепью укрепленных городков, острожков, валов

и сторожей, устроенных вдоль берегов Донца, – этой реки степей. Святогорский монастырь, охваченный как пустынный остров хлябями океана – безлюдными степями, по которым кочевали и разбойничали хищные орды азиатов, являлся с первой зари русской истории очагом христианства и православия, к которому как к духовному сердцу своему невольно притягивались рассеянные по берегам степных рек оазисы русской народности, первые аванпосты надвигавшейся русской силы, казаки, звероловы, пасечники, промышлявшие на свой страх в диких дебрях лесов, караулы, и сторожи, высылаемые государством в глубь дикого поля, полоняниками, постоянно во множестве бегавшие по следам князя Игоря из улусов грабителей вдоль спасительного потока Донца, ведущего прямо на Русь.

Святогорский монастырь был их общим

прибежищем и как боевая твердыня, и как родной дом, где они были накормлены, напоены, успокоены, и как незаменимое душевное утешение – своими святынями и молитвенными подвигами.

Обитель эта играла в истории степной Руси почти ту же роль, какую Сергиево-Троицкая Лавра или Соловецкий монастырь играли в истории Северной Руси.

Вид Святогорского Успенского монастыря в нач. XX в.

Поэтому нельзя не изумляться поразительному убожеству русского исторического чувства у тех исторических деятелей наших, которые без колебания и раздумья, с легким сердцем решились на упразднение этой древней твердыни русской народности, забыв свои родные летописи, эти питомцы и современники французских энциклопедистов готовы были обратиться в барский парк избалованного князя, в какой-нибудь “Монплезир” во вкусе модной тогда г-жи Помпадур, – пустынные леса и утесы, еще полные памяти суровых монашеских подвигов и кровавых сеч с басурманами наших доблестных предков. Но сердце народа, с влеченьями которого так мало церемонились в тот век благонамереннейшей и либеральнейшей философии, – отстояло с обычным мужицким упорством свою любимую историческую святыню и не дало совсем погаснуть преданьям и обычаям иноческой жизни

в этом старинном гнезде православия. Толпы богомольцев не переставали тянуться через окрестные леса из ближних и дальних мест поклониться чудотворному образу, побродить с умилением по пещерам древних святых трудников и получить благословение от какого-нибудь неведомого отшельника.

Вот как сам архимандрит рассказывал об этом нашему путешественнику по святым местам А.И. Муравьеву, водя его по обрывам меловых скал:

“Тут обитал даже при нас тайный отшельник, и мы около полугода о том не знали, удивлялись только, что устье этой пещеры было черно и видали иногда как бы струю дыма, из него исходившую; однажды подстерегли однако человека, который вдруг скрылся с этой площадки, на которой мы стоим... Я сам пришел сюда и стал умолять неведомого раба Божия выйти из его вертепа, дабы не навлечь неприятности толь-

ко что зарождавшемся монастырю, если в нем будут скрываться неизвестные люди. Долго не было отзыва на мои увещания, так что я принужден был прибегнуть к угрозам, уверяя, что, несмотря на опасность, найду средство подмоститься к его скале. К общему изумлению нашему, внезапно явился из устья пещеры сухой, изможденный человек, еще не преклонных лет, в одной сорочице; легко перепрыгнул он через пропасть из своей пещеры на острие противоположащего утеса, взлез на наш балкон и, молча, поклонившись нам, удалился. Мы не любопытствовали спросить: ты кто есть? да он бы и не дал нам ответа, и с тех пор, вот уже 6-ть лет, никто его не видал!” – закончил свою речь настоятель.

Закончим и мы свой очерк этим характерным рассказом, который убеждает лучше всяких рассуждений, что древние русские святыни черпали свою нравственную силу,

свое историческое значение не в правительственных распоряжениях и не в средствах казны, а в глубинах духа народного, в том неистребимом религиозном чувстве его, которое гнало в дремучие леса опасных зарубежных стран добровольных подвижников, которое помогало их одиноким силам вытаскивать пещерами и переходами каменные утробы скалы, и одушевляло их на многолетние тяжкие подвиги отшельничества...

Народ сохранил живую в своем сердце свою древнюю Святогорскую пустынь, несмотря на упразднявшие ее существование указы канцелярий, – и эта народная святыня любовью народа ожила и продолжает жить, восторжествовав над историческим невежеством людей, чуждых народного духа, – всеми теперь признанная и всеми чтимая...

Комментарии к рассказу «Святые Горы»
(Поездка по Донцу)

¹ *Здесь и далее автор описывает церковь Преображения Господня, построенную в 1864 году на самой высокой точке Святых Гор (гора Фавор) по проекту архитектора Петцольдта. Церковь действительно имела совершенно оригинальное стилистическое решение, необычную пластику фасадов и двухярусную конструкцию. На первом этаже размещался храм во имя иконы Казанской Божьей Матери. Верхний храм был освящен в честь Преображения Господня. Храм был выстроен на иждивение Т. Б. Потёмкиной.*

² *Гостиница Святогорского монастыря XIX в. в составе 3-х зданий (корп. № 9, 10, 11) сохранилась до настоящего времени, хотя и в реконструированном виде. Более всего соответствует архитектурному облику гостиницы периода посещения Е. Маркова трехэтажная гостиница в псевдоклассическом*

стиле, главный фасад которой выходит к набережной Северского Донца. В 1979 году это здание вошло в состав памятников архитектуры национального значения. В настоящее время здесь размещается гостиница Лавры для паломников.

³ Банной слободой в XIX в. именовалась левобережная часть города Святогорска. Село Банное возникло в сер. 70-х гг. XVIII в. на землях Святогорского монастыря. Свое название получило от озера Банное, возле которого были построены конюшни монастыря и жилые дома первых поселенцев. В 1964 году с. Банное было переименовано в город-курорт Славяногорск. В мае 2003 г. Постановлением Верховной Рады Украины Славяногорск переименован в Святогорск (историческое название имения князя Потёмкина-Таврического с 90-х гг. XVIII в.).

⁴ «Спасов скит», упомянутый Е. Марковым основан Святогорским монастырем недалеко

от ж/д станции Борки (ныне Харьковская обл), где 17 октября 1887 г. произошло крушение царского поезда. В результате крушения были человеческие жертвы, но семья императора Александра III чудом уцелела. В честь спасения царской семьи, архимандрит Святогорского монастыря Герман (Клища) заложил часовню на месте чудесного спасения императорской семьи и кельи для монашествующих. Впоследствии здесь был сооружен один из самых монументальных храмов на территории Украины – Храм Христа Спасителя. В 1907 г. Спасов скит Святогорского монастыря был преобразован в самостоятельный монастырь. После революционных потрясений 1917г. скит был закрыт, а комплекс сооружений и сам Храм Христа Спасителя были разрушены. Восстановление Спасова скита началось в 90-х гг. XX ст.

⁵ *Пещеры Святогорского монастыря в меловой скале – памятник истории и архитектуры XVII в. национального значения. С 80-х*

гг. XX в. пещеры стали предметом научного исследования и реставрации. Более 2 тыс. м² пещерных ходов и помещений сохранилось до настоящего времени. Большая часть их датируется XVII в. когда появляются первые архивные и летописные свидетельства о пещерном монастыре в Святых Горах. Более подробные сведения об истории Святогорского пещерного монастыря можно почерпнуть из изданий: Дедов В.Н. Святые Горы. От забвения к возрождению, 1995, 2004, 2009; Дедов В.М. Святогірська Свято-Успенська Лавра, 2005; 2010.

⁶ Иконостас Иоанно-Предтеченской церкви не сохранился. После закрытия монастыря в 1922 году он был утрачен. В настоящее время на месте иконостаса, описанного Е. Марковым, устроена оштукатуренная алтарная преграда из кирпича с нишами для икон.

⁷ Чудотворная икона св. Николая, наиболее древняя по времени икона монастыря, была

утрачена после закрытия Святогорской обители в 1922 г. Искусствоведы датировали икону XVII-XVIII вв. и относили ее к южно-русскому происхождению. Многочисленные списки иконы имели хождение в XIX в. Одно из литографических изображений чудотворной иконы св. Николая XIX в. тиражируется в память об этой иконе в настоящее время и предлагается паломникам в иконных лавках Лавры. Упомянутый меловой столб по центру храма, на котором была обретаена икона св. Николая сохранился по настоящее время, однако, при устройстве современной алтарной преграды практически слился с ней.

⁸ Это ошибочное утверждение. Церковь во имя преподобных киево-печерских монахов Антония и Феодосия была освящена в честь этих святых лишь в 1846 году по благословению архиепископа Харьковской епархии, архиепископа Иннокентия (Борисова). До 1844 г. этот подземный храм, скрытый завалами у подножия горы, где ныне стоит памятник Артёму

(Сергееву Ф.А.), был практически неизвестен. Официальная датировка подземного храма – XVII в. Исторических сведений более раннего периода как и вещественных материалов при архитектурно-археологических исследованиях обнаружено не было.

⁹ Несмотря на такую популярность и народную любовь, наличие уже написанного Ковалевским и изданного не один раз “Жития Иоанна Затворника”, официальная канонизация Иоанна Затворника как местночтимого святого состоялась в 1995 году. Ежегодно, 24 августа (новый стиль) – день памяти Иоанна Затворника, который собирает в Лавре до 10 тыс. паломников.

¹⁰ “Сверкающий как стекло твердый камень”, на который обратил внимание Е. Марков – это прослойки кремния, который пронизывает тело скалы, скрепляя собою отдельные массивы, подверженные разрушению. Формирование меловой скалы с

прослойками вулканического происхождения относится к доисторической юрской эпохе, когда земля была покрыта водой и мириады микроорганизмов моря вместе с осадочными породами формируют меловую гряду правого берега Донца.

¹¹ *В этой части своего рассказа Е. Марков описывает Андреевскую часовню на вершине меловой скалы, сооруженную в сер. 50-х гг. XIX в. в честь вторичного возобновления Святогорского монастыря не без участия писателя А.Н. Муравьёва. Часовня сохранилась до настоящего времени, реставрирована в конце 80-х гг. XX ст. и венчает меловую скалу на уровне глав Николаевской церкви XVII в. Образ Преображения Господня, “собранный из разноцветных камней”, о котором упоминает Е. Марков был утрачен после закрытия монастыря в 1922 г.*

¹² *Здесь и далее Е. Марков описывает знаменитую Кирилло-Мефодиевскую лестницу*

Святогорского монастыря, построенную иждивением Е. Шабельской в 1851 году. Лестница служила основным коммуникационным средством для сообщения нижней территории монастыря с верхними храмами: Николаевской и Преображенской церквями. Лестница имела 511 ступеней и 8 переходных башен, из которых 2 – кирпичные. Во время сражений Великой Отечественной войны 1941-1943 гг. лестница сгорела за исключением двух кирпичных башен. Воссоздание Кирилло-Мифодиевской лестницы осуществлено в последние годы (2004-2009 гг.)

¹³ *Святогорский скит Вел. Арсения находился в 1,5 км от монастыря по правому берегу Донца вверх по течению. Каменная церковь во имя св. Вел. Арсения и деревянные кельи с трапезной были устроены в 50-х гг. XIX в. не без помощи Т.Б. Потёмкиной. Строений скита более раннего времени, после упразднения Святогорского монастыря в 1787 г., – не сохранилось. Археологические раскопки и развед-*

ки, дважды организовывались в этом месте. Вещественного материала более раннего, чем XVIII-XIX вв. исследования не показали. Определенный интерес вызывают пещерные сооружения скита, в т.ч. отдельные склепы-кельи по склонам и вершинам гор. Что касается организации жизни скита в период посещения его Е. Марковым, то здесь был введен особый устав с запретом посещения мирянами территории скита. Количество монахов не превышало, как правило, 30 человек. Здесь был свой скитоначальник, библиотека. Здесь же хоронили умерших монахов.

После закрытия Святогорского монастыря в 1922 г. скит опустел, а его сооружения пришли в упадок и после войны были окончательно разобраны.

¹⁴ Согласно архивным документам, серьезное столкновение крестьян с охраной имения графа Рибоьера произошло в августе 1894 года, во время Успенской ярмарки. Если сведения лодочника из Банного соответствуют

действительности, то Е. Л. Марков посетил Святые Горы в октябре 1897 года.

¹⁵ Успенский собор Святогорского монастыря был не совсем новый, как пишет Е. Марков. Со времени его освящения прошло уже почти 40 лет. Построен он был по проекту архитектора А.М. Горностаева в 1859-1868 гг. Вместе с тем, в период посещения писателем монастыря в Успенском соборе только закончили работы по обновлению монументальной живописи в интерьере. На парусах были написаны новые композиции Евангелистов на холсте. Возможно, поэтому Е. Марков воспринял состояние храмовой постройки как новое.

Содержание

Вступительное слово	3
«Святые Горы» (Поездка по Донцу).....	23
Комментарии	113

Літературно-художнє видання

Евген Львович Марков

«Святі Гори»

(Поїздка по Дінцю)

Автор вступу та коментарів

В. М. Дєдов

Комп'ютерна верстка та оригінал-макет

В. В. Ковальов

Підписано до друку 11.08.2010.

Формат 60x84 1/32. Папір офсетний.

Друк офсетний. Гарнітура Times.

Обл. вид. арк. 2,53. Тираж 1000 прим. Зам. № 105/4.

Державне підприємство «Ордена «Знак пошани» всеукраїнське державне
багатопрофільне видавництво «Донбас».

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єкта видавничої справи
ДК № 728 від 19.12.2001.

Виготовлено ТОВ «РА «Ваш імідж».

83055, м. Донецьк, вул. Артема, 80а.

За участю ФОП Малихіна І. Б.

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців, виготовників
і розповсюджувачів видавничої продукції ДЦ № 135 від 09.02.2008.

